

18+

ЗАДЪХА

А. Гербанов

С. Съркова

Алексей Гурбатов

Заоха

«Издательские решения»

Гурбатов А.

Заоха / А. Гурбатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960322-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** «Заоха» — правдивый рассказ о жизни заключенных
21 века. Считаете, что «сидельца» со строгого режима невозможно обмануть?
Тогда читайте рассказ «Заоха» и узнайте, как и кому это сделать удалось!

ISBN 978-5-44-960322-7

© Гурбатов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Заоха

Алексей Гурбатов
Светлана Суркова

Художник Мария Хазова

© Алексей Гурбатов, 2018

© Светлана Суркова, 2018

ISBN 978-5-4496-0322-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Зима на Урале – это безумно холодно! Здесь фраза «холод пробирает до костей» – это не фигура речи. Это физические ощущения

За несколько часов до Нового года мороз ещё больше окреп, и столбик термометра перевалил за отметку в минус тридцать пять градусов. Жуть! Казалось, что даже крупные снежинки замедлялись в своём падении из-за столь низкой температуры и именно поэтому они нехотя ложились на административные здания, асфальт и заборы с колючей проволокой N-ской колонии строгого режима.

Быть эком – мерзко! А в безумно холодное время года – жутко мерзко!

Но, как и большинство вольных граждан, вне зависимости от погодных катаклизмов, арестанты любят Новый год и тщательно готовятся к этому празднику.

Одни в отрядном умывальнике сцеживают и разливают бражку из пластиковых канистр по пластиковым бутылкам.

Другие гладят новые вещи старым утюгом с подгоревшей «подошвой».

Третьи уже фотографируются на камеру мобильного телефона, будучи побритыми, отглаженными и напарфюмереными так сильно, словно желая, чтобы запах одеколona проник к получателю фотографии через объектив.

Четвёртые готовят праздничный ужин.

А кто-то, кому просто нечего делать, тупо смотрит телевизор в специально отведённой для этого занятия комнате.

Хотя ещё полгода назад о подобных вольностях ни один арестант не мог даже и помечтать. В недалёком прошлом всё делалось строго по режиму, а любые отклонения от него согласовывались с сотрудниками администрации. Простые упоминания о спиртном, наркотиках, мобильных телефонах и других запрещённых предметах сулили большими неприятностями. А их употребление и приобретение и того хуже – от водворения в ШИЗО (штрафной изолятор), до увеличения срока заключения.

Но всё меняется!

«Красный» – милицейский ход сменился «чёрным» – эковским. А затем «чёрный» ход вновь заменит «красный». Так было и так будет всегда.

Но накануне 2013 года никто не хочет вспоминать плохое и думать о прошедшем. Все эковские мысли направлены в будущее.

В добротном кирпичном бараке, в отрядном помещении для приёма и приготовления пищи – «пищёвке», было многолюдно. Эки копошились, стряпая праздничный ужин. Пахло цитрусами, колбасой и подгоревшим луком.

За одним из шести кухонных столов свои яства готовили трое товарищей – Леонид, Максим и Дильёр. Они, как здесь принято говорить, были семейниками, т.е. делились в своём узком кругу не только продуктами питания, но и радостями с горем, а так же решали различные проблемы сообща.

Леонид – тридцатисемилетний, высокий брюнет, с большими карими глазами, миловидный в прошлом (пока не появился уродливый шрам под правым глазом), спортивного, легкоатлетического телосложения.

Максим – невысокий коренастый мужчина с тёмными, бегающими глазами на округлом, но худощавом лице, на полгода моложе Лёни.

Дильёр – симпатичный узбек, ростом чуть ниже Леонида, крепкого, спортивного телосложения, был самым молодым из троицы (на шесть лет моложе Макса).

... – А я бы хотел, чтобы Новый год подарил мне племянника. А то мой младший брат со своей женой пока только девчонок стругают, – поделился своею мечтой Макс.

– Так ты бы научил братана, как пацаны делаются! – смеясь, произнёс с заметным акцентом Дильёр.

– Но ты, остряк, за пловом лучше приглядывай! – строго сказал Максим Дильёру.

– А ты помидоры не сильно мелко реж! – с издёвкой ответил Дильёр.

– Пацаны, а может не будем ссориться? – поинтересовался Лёня, не отрывая взгляд от эмалерованной миски с салатом «Оливье», в который выдавливал из полиэтиленовой упаковки майонез каким-то оригинальным, но понятным только ему, рисунком.

– Так мы и не ссоримся, – уверенно произнёс Дильёр, приоткрыв крышку кастрюли, в которой томился плов.

– Да, запах что надо! – потянув носом, произнёс Максим, – Что-что, а в приготовлении плова ты, Дильёр, лучший!

– Согласен! – подтвердил Лёня.

– Пацаны, плов готов. Можно за стол садиться, – сказал Дильёр.

– А что по времени? – обращаясь ко всем сразу, спросил Макс.

– Половина двенадцатого, – взглянув на часы на правой руке, ответил Лёня.

– Ну, что ж, давайте садиться, – предложил Максим и, взяв с кухонного стола миску с салатом из свежих овощей, нарезанный хлеб и три ложки, отправился в жилую секцию отряда, где в проходе между двухъярусными, панцирными шконками (койками) был создан стол из составленных вместе четырёх табуреток.

Прихватив с собой оставшиеся кушанья, Лёня и Дильёр так же проследовали к импровизированному столу.

Молодые люди, в условиях зоновского казённого минимализма, смогли создать и наладить свой быт таким образом, чтобы возникало ощущение домашнего тепла и уюта. Они, разумеется, не без помощи родственников, смогли купить маленький портативный DVD-плеер и установить его на тумбочке в проходе между своими спальными местами. А к шконкам второго яруса товарищи прицепили простыни во всю их ширину. Получилось что-то вроде тряпичных стен, ограждающих от взоров любопытных зэков территорию личного пространства.

В «кубрике» было чисто и опрятно. И даже в тумбочке без дверцы (задумка администрации) все предметы личной гигиены находились строго на своих местах, демонстрируя окружающим патологическую чистоплотность хозяев мыла, кремов, зубных щёток и паст.

Спальные места Лёни, Макса и Дильёра были заправлены аккуратно и красиво. В общем, находиться в этом отгороженном от внешнего мира пространстве было приятно и по-домашнему уютно.

Да и сами молодые люди, связанные одним общим горем – тюрьмой, были дружелюбны и общительны. Их объединяли не только длительные сроки отбывания наказания; не только общие интересы и несущественная разница в возрасте; но и взгляды на жизнь. И пусть каждый из них был занят своим делом: Максим работал на станках в промышленной зоне, Лёня создавал красоту в локальном участке (сажал цветы весной, красил ограждения, а зимой убирал снег), а на Дильёре держался быт целого отряда, главное убеждение – оставаться людьми при любых обстоятельствах! – поистине спланивало их.

– Ну, что ж, Дильёр, раскладывай плов. Сейчас плотно покушаем, а Новый год встретим с чифиром и тортом. Возражений нет? – спросил Леонид.

– Не уверен, что после плова на торт место останется, – облизываясь от предвкушения скорой вкусной еды, выказал сомнения Максим.

– Так ты с двух ложек не ешь и тогда место для торта и чая останется, – смеясь, произнёс Дильёр и стал раскладывать узбекский деликатес по пластмассовым тарелкам.

Максим и Лёня улынулись над сказанным Дильёром и устроились возле стола, присев на шконки.

Плов получился действительно вкусным, и молодые мужчины молча уплетали его за обе щеки, обмениваясь лишь взглядами и жестами.

Когда с горячим было покончено и на лицах арестантов появилось выражение полного удовлетворения, сытости и лени, Макс, достав телефон из кармана брюк, спросил:

– Пацаны, вы во сколько звонить хотите?

– Я буду звонить в два, в начале третьего ночи. Хочу мамульку поздравить с уже наступившим Новым годом. У неё, ведь, по Москве тринадцатый наступит, а не как у нас – на два часа раньше, – ответил Лёня.

– А я, может быть, вообще звонить не буду. Во-первых, с деньгами туго; а во-вторых, не хочу ни себе, ни вам праздник омрачать. Как голоса родных услышу, так больно на душе становится. У меня ведь отец совсем плох. Разговаривает с трудом. А мамка возле него постоянно крутится – то одно принесёт, то другое подаст, – со вздохом сказал Дильёр и отвернулся в сторону тёмного окна, чтобы никто из ребят не увидел скупую мужскую слезу, медленно поползшую по щеке.

– Тогда тем более нужно позвонить и выказать родителям своё глубочайшее уважение. А насчёт денег не гони – на симку было поступление, – убедительно произнёс Максим и протянул «мобильник» товарищу из Узбекистана.

Дильёр трясущимися пальцами давил на кнопки телефона, несколько раз путая цифры и сбрасывая номер, давно хранящийся в памяти.

– Да не волнуйся ты так. Всё будет нормально, – поддержал Дильёра Леонид.

Дильёр будто ждал этих слов. Взяв себя в руки и сосредоточившись, он, наконец, набрал заветные цифры и поднес аппарат к уху.

Несколько минут Лёня и Макс молча наблюдали за своим товарищем. Лицо Дильёра менялось от счастливого до безумно счастливого. И хотя ни Лёня, ни Максим не поняли ни слова из громкого разговора своего младшего товарища, но точно знали, что дома у Дильёра всё хорошо.

– Отец пошёл на поправку, – отключив связь, почти прокричал Дильёр, путая русские слова с узбекскими.

– Ну вот! А ты звонить не хотел. Да это лучшая новость дня! Так сказать, подарок к Новому году, – весело произнёс Макс и по-дружески постучал Дильёру по плечу.

– Всё, пацаны, я чифир разливаю! Время без пяти, – несколько резко произнёс Лёня.

– Давай, братан, делай! – радостно сказал Дильёр.

– Давай, Лёнька! – поддержал Макс.

Три товарища сделали по несколько глотков терпкого, вяжущего рот, крепкого чая и, заслышав бой Кремлёвских курантов, побежали в КВР (комната воспитательной работы), чтобы вместе с другими осуждёнными встретить Новый 2013 год перед экраном телевизора и под дружный, многоголосый крик: «Ура!»

Ещё минут десять в бараке ощущалась суэта (заключённые радостно поздравляли друг друга с приходом Нового года), а затем празднование переместилось за столы, по сути такие же, как у Лёни, Макса и Дильёра, и в отрядном помещении стало значительно тише. Разномастные компании арестантов старались говорить за своими столами вполголоса, чтобы не мешать собратьям из других групп отмечать праздник по-своему.

Максим, отодвинув от себя недоеденный кусок торта, расстегнул поясную пуговицу на брюках и, выдохнув воздух из лёгких, с облегчением произнёс:

– Не, братцы, так жрать нельзя. Так и порвать может!

– Волков не рвёт, их только пучит, – пошутил Дильёр, наливая в свою кружку очередную порцию чая.

– Ну, наверное, не в этот раз. От такого количества пищи точно порвёт, – смеясь, сказал Макс и достал из брючного кармана телефон.

– Пацаны, громко не бубните, пожалуйста. Я хочу маму поздравить, – попросил Максим, нажав на клавишу дозвона.

Лёня и Дильёр замолчали.

Каждый из них в эти минуты думал о чём-то своём и явно приятном.

На лицах товарищей то и дело появлялась добрая улыбка, а в глазах при желании можно было увидеть кадры из прежней, вольной жизни. Именно сейчас в полном объёме понимались слова из песни известной группы: «... Тело здесь, а душа далеко!..»

Именно сейчас можно было с уверенностью сказать, что для этих ребят тюрьма не является закрытой, так как никакие решётки не способны удержать полёт чистых мыслей.

– Ещё раз с Новым годом тебя, мамуля! Здоровья тебе и терпения. Ну, всё. Целую. Пока, – произнёс Макс в трубку телефона фразу, явно свидетельствующую о завершении разговора.

– Всё, пацаны, я всех поздравил. Мне «лейка» больше не нужна, – сказал Максим и аккуратно положил телефон на тумбочку.

Лёня взглянул на часы и произнёс:

– Мне пока тоже не нужна. Маме позвоню минут через сорок, а больше мне звонить некому.

– Слушай, а что ты в Питер своим друзьям-товарищам не звонишь? – поинтересовался Дильёр у Лёни.

– Да ты знаешь, Дильёрчик, во-первых, много лет прошло с момента нашей последней встречи; а во-вторых, не очень хорошо я с ними расстался, – размыто ответил Лёня.

– Что, прямо со всеми сразу? – не унимался Дильёр.

– Со всеми, не со всеми, но как-то стыдно звонить. Да и говорить особо не о чем. Я о их судьбах многое знаю. У меня мама, когда из Курска в Питер ездит могилки проведать, да со своими сослуживцами повидаться, часто моих друзей-товарищей видит. Они ей и рассказывают о всех изменениях в жизни. А мама обо мне вкратце говорит. Так что, пацаны, зачем старое тормошить? – с грустью спросил Леонид, обращаясь, как показалось со стороны, больше к себе, чем к Максиму и Дильёру, а затем, сделав глоток остывшего чая, продолжил:

– У бывших моих друзей в Питере уже давно семьи, дети, достойная работа и подобающая компания. А я что им могу рассказать? Что опять попал в тюрьму? Что у меня всё хорошо? Или как мне здесь сидится? Так я точно знаю, что в пятнадцать лет попасть в тюрьму и выйти оттуда «наблатыканным» – это было круто! Сесть вновь в двадцать – опрометчиво, но понятно, учитывая тот образ жизни, какой мы вели. А угодить в тюрьму в тридцатилетнем возрасте, да на тринадцать годков – это глупо! Так что мои рассказы им попросту будут неинтересны. А досаждать их воспоминаниями о давно минувших днях я не хочу. Да и они вряд ли поддержат подобный разговор. Плакаться о несправедливости Российского правосудия я тоже не стану. Вот и выходит, парни, что со своими бывшими друзьями из Питера мне говорить абсолютно не о чем! Да и поругался я с ними в две тысячи первом во время последнего застолья в баре.

– Так сколько времени прошло – всё уж забылось давно! – предположил Максим.

– Всё, да не всё! Если я помню тот неприятный для всех нас спор, то и они не забыли, – пояснил Лёня.

– Ладно. Тебе, братан, виднее, – зевая, произнёс Дильёр.

– Слушай, Лёнька, я всё хотел тебя спросить – а что ты с «заохой» какой-нибудь не замутишь? У тебя язык подвешен отлично. Ты много где побывал. Много о чём знаешь. С тобой интересно общаться. Да и с женой ты в разводе. Так что, чего теряешься? – с огромным любо-

пытством, глядя Лёни в глаза, будто пытаюсь найти в них ответ на свой вопрос, поинтересовался Макс, не скрывая лукавой улыбки.

– Спасибо, Максик, за лесть в мой адрес, но мне не нужны «заохи». У меня своё мнение о девушках, знакомящихся заочно, да ещё и с теми парнями, которые лишены свободы, – скупой ответил Лёня и создал на лице неприятную гримасу, свидетельствующую об истинном отношении к упомянутым особам.

– А вот с этого места давай поподробнее! – оживился Дильёр, услышав разговор про девушек.

– Не обломайся, братан, поведай нам своё мнение, – попросил Максим Лёню и слегка придвинулся к нему.

Напряг слух и Дильёр.

Было понятно, что и Макс и Дильёру очень интересно услышать точку зрения своего образованного товарища, долгое время (с самого рождения и до переезда) прожившего в Питере – городе, в котором каждый из них мечтал бы побывать.

– На мой взгляд, пацаны, девушка, ищущая свою любовь за колючей проволокой попросту ущербная. Она, по всей видимости, не способна самореализоваться в нормальном обществе. Мы здесь кто? Мы зэки, осуждённые за тяжкие и особо тяжкие преступления. И без разницы, признал ты свою вину или нет, ты – общественный изгой! А за годы пребывания в этой системе, хочешь ты этого или нет, психика, даже самая крепкая, расшатывается, превращая некогда здравомыслящего человека, в человекоподобное существо с понятиями, амбициями и завышенной или заниженной самооценкой. Отсюда у меня возникает вопрос: кого девушка здесь хочет найти для себя – мужа, любовника или «жилетку», в которую она регулярно будет плакать? Если мужа, то отдаёт ли такая девушка себе отчёт, кого она здесь найдет? Мне доводилось слышать из уст разных зэков, что дамы знакомятся с арестантами потому, что на свободе нормальных мужиков не осталось – одни наркоманы, пьяницы, да «голубые». А здесь значит нормальные?! Десяносто пять процентов наркоманы и пьяницы, завязавшие лишь потому, что их посадили, а в тюрьме наркотики и спиртное достать весьма проблематично. Но каждый из них думает: «Как выйду на свободу – оторвусь по-полной! А пока буду крепиться, заодно и здоровье поправлю, чтобы затем больше влезло!» Ещё, примерно, два процента «голубые», которые свою любовь к мужским письям реализуют здесь в полном объёме. И лишь оставшиеся три процента – это те заключённые, с которыми можно поговорить на различные темы; которые стараются извлечь пользу для себя во время нахождения здесь и понять причины попадания сюда, чтобы никогда более не оказаться в столь чудном и чудно'м месте снова. Но и эти единицы, как я говорил уже раньше, подорвали себе психику. Так что дамы ошибаются, считая, что на свободе остался один сброд, а мужики все здесь. Просто они ищут мужей там, где сами часто бывают – в пивнушках, да в наркоманских притонах, а не в консерваториях и театрах. Про культурные места подобные дамы только по телевизору и слышали! А если девушка ищет в местах не столь отдалённых любовника, то это может означать только одно – на свободе она и на ...ер никому не нужна! Ну, и последнее. Если девушка ищет себе «жилетку», то уж точно с головой у неё непорядок. Здесь ей психологическую помощь смогут оказать только за большие деньги, а впоследствии причинить огромный урон её нервной системе из-за грубого расставания. Поэтому, парни, мне «заохи» не нужны! Я ...лядей, страшилок и долбануток и на свободе недолюбливал, а уж здесь и подавно, – закончил Лёня свой монолог и потянулся к тумбочке за телефоном.

– Да, уж! – только и смог произнести Дильёр.

– Не, братан, я, конечно, во многом с тобой согласен, но ведь таких тёток можно на деньги и секс прибалтывать, а впоследствии послать подальше и на других переключиться! Что, деньги и секс тебе уже не интересны? – ехидно улыбаясь, задал провокационный вопрос Максим и стал

вновь покусывать ногти на своих руках, как делал это во время всего Лёниного повествования, испытывая нервозность от слов товарища.

Лёню аж передёрнуло от услышанного.

Он резко повернул голову в сторону Макса, оставив протянутую руку на тумбочке и прикрывая ею телефон, холодно посмотрел в смеющиеся глаза товарища и грубо сказал:

– Я, Максим, был лучшего о тебе мнения! Играть на чувствах женщин, вымогая у них деньги, – это подло! Понятно, что подобные дамочки готовы будут сделать для тебя многое, но оцени последствия. Такие женщины и девушки никогда не будут состоятельными в силу своей ущербности, поэтому ради твоих запросов они, наверняка, влезут в долги. А ты после этого их «кинуть» хочешь? Да как ты жить-то с этим будешь?! Нет, Макс, это даже больше, чем подло! Я на подобные вещи не способен. После такого я бы себя уважать перестал! А что же касается секса, то я свой член не на помойке нашёл! Мне нравятся женщины определённой внешности, с загадочностью, достоинством и способные здраво излагать свои мысли. Так что на кого угодно, лишь бы ублажить свои сексуальные потребности, я не залезу. Я лучше в душ схожу и собственноручно отпущу в свободное плавание неродившихся детишек, но ненавистную девушку трахать не стану. Да, Максик, ты меня разочаровал! – более спокойно закончил Лёня.

– Да не, братан, я же пошутил, – краснея и смущаясь, произнёс Максим.

– Ладно, проехали! Я маме позвоню, так что тише, пожалуйста, – сказал Леонид и стал набирать номер домашнего телефона родного человека.

Праздники закончились быстро, как и всё хорошее.

Тягучая эковская жизнь медленно ползла по накатанной дороге. А зима стремительно мчалась к календарной весне, одаривая весь энский регион обильными осадками и тридцатиградусными морозами.

На протяжении всей зимы, практически, ежедневно расчищая снег в локальном участке, Леонид проклинал тот день, когда приехал из Москвы к Рифейским горам...

В столице Лёня оказался по приглашению своего знакомого, возглавлявшего небольшую строительную фирму, одну из тысяч, чьими названиями пестрят московские газеты, предлагающие быстрый заработок и дешевые строительные услуги. Леонид занимался отделкой помещения и считался «элитой» компании. Именно в офисе фирмы он и познакомился с хрупкой татарочкой Кариной, которая была на два года старше его.

Благодаря работе в единой бригаде отделочников, знакомство быстро переросло в более личные отношения, и вскоре молодые люди приняли решение сэкономить на аренде квартиры и начали жить вместе, строя планы на совместное будущее. И отдельной строкой в этих планах было, закончив работу в Москве, поменять фамилию Карины на Лёнину и переехать по месту прописки Леонида уже в законном статусе.

Однако, сначала надо было уладить ряд формальностей иного рода. В Югре, где родилась Карина, остались двое ее детей от первого брака, одиннадцатилетняя девочка и девятилетний мальчик. Они жили у родственников, пока их мать работала. Т.к. контракт с фирмой закончился, было решено ехать на малую родину Карины. Планировалось дожидаться окончания учебного года и уже тогда переехать всем вместе в центральную часть России, где в последние годы постоянно проживали Леонид и его мама.

Отгремел вальс Мендельсона, и новоиспечённому главе семейства надо было срочно устраиваться на работу, дабы содержать семью, которая сразу оказалась большой и небезпроблемной. Два подростка быстро поняли, что их отчим будет готов на многое, чтобы заслужить детскую любовь, и на голову Леонида, как из рога изобилия, посыпались запросы, желания

и намеки. Работа для мастера на все руки нашлась быстро, и появилась относительная финансовая стабильность.

Речь о переезде в другой город возникала всё реже, а к окончанию учебного года покидать обжитое место уже и не хотелось.

За полгода Лёня привык к новому месту жительства, тяжёлой работе на металлургическом заводе и постоянному непослушанию детей жены, приводившему к серьёзным семейным ссорам. Он считал, что детям надо дать возможность привыкнуть к нему, а подобные скандалы явление временное. Но, как оказалось, нет ничего более постоянного, чем временное!

Именно разлад в семье сыграл с Лёней злую шутку и определил в исправительную колонию на долгие тринадцать лет.

... – Лёнька, Лёня! Да, брось ты лопату – дело срочное есть! – несколько возбуждённо кричал Дильёр из открытой форточки и махал рукой, подзывая товарища к себе.

– Давай позже. Ты же видишь, сколько снега навалило. А кто убирать его за меня будет? – произнёс Леонид, не отрываясь от работы.

– До весны две недели осталось, так что сам скоро растает! Иди сюда – это срочно! – не унимался Дильёр.

Лёха воткнул снеговую лопату в большой сугроб и нехотя пошёл в отряд к зовущему.

– Ну, что стряслось? – спросил Лёня у Дильёра, присев в уличной одежде на табурет возле своего спального места.

– Вот, смотри, – полушепотом произнёс младший товарищ и, убедившись в отсутствии посторонних по близости, приподнял подушку.

На матрасе, покрытым белой простыней, лежал предмет в чёрном корпусе и с зеркальным экраном.

– Ты что, Дильёрчик, решил мультимедийный плеер прикупить? – разочаровано спросил Лёня.

– Сам ты мультимедийный! И лицо-то такое сделал, будто тебя ...овно жрать позвали! – обижено произнёс Дильёр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.